

Т.В. Гимон

NAISMITH R. MONEY AND POWER IN ANGLO-SAXON ENGLAND: THE SOUTHERN ENGLISH KINGDOMS, 757–865. CAMBRIDGE: CAMBRIDGE UNIVERSITY PRESS, 2012. 351 P.

Книга Рори Найсмита представляет собой опыт всестороннего (насколько позволяет материал) анализа монет, монетного дела и монетного обращения в королевствах Южной Англии в течение примерно столетия – с 757 г. (воцарение в Мерсии короля Оффы и примерное начало чекана серебряных «широких пенни») и до 865 г. (воцарение в Уэссексе Этельреда I, с именем которого связаны изменения в монетном деле; начало масштабных викингских завоеваний).

Под «Южной Англией» здесь понимается вся заселенная англо-саксами территория южнее реки Хамбер, «Саутумбрия» (*Southumbria*) – в противоположность Нортумбрии (*Northumbria*), лежавшей к северу. Южная Англия не может рассматриваться в этот период как политическое единство: хотя гегемоном здесь было королевство Мерсия, другие королевства (прежде всего Восточная Англия и Уэссекс) часть времени сохраняли независимость, а во второй четверти IX в. на лидирующие позиции вышел Уэссекс. Однако применительно к монетам и монетному обращению Южная Англия представляла собой единый регион, в который Нортумбрия не входила. На протяжении анализируемого периода во всех частях Южной Англии (пусть даже политически независимых друг от друга) чеканились и обращались один тип монеты, тогда как обращение иностранных монет (не только континентальных, но и нортумбрийских) на этой территории было ограничено (р. 6, 49, 203–210).

Первые англо-саксонские монеты – это золотые шиллинги начала VII в., созданные по образцу меровингских тремиссов. С 670-х годов по первую половину VIII в. чеканились серебряные пенни (д.-а. *paeningas*), более известные как *sceattas*. С середины VIII в. в южноанглийских королевствах утверждается новый тип

«широкого» серебряного пенни с указанием имени короля (тип, продержавшийся до XIII в.). Если не считать немногочисленных опытов чеканки золотой монеты, до 870-х годов серебряный пенни был в Южной Англии единственной формой денег. Первое столетие производства и обращения пенни этого типа составляет предмет рецензируемой книги.

Рис. 1. Серебряный пенни из «легкого» чекана мерсийского короля Оффы. Между 765 и 792 гг., Лондон. На аверсе «портрет» Оффы и надпись: «Offa rex». На реверсе имя монетного мастера: «+ Pendred». Вес 1,21 г. Диаметр 16,74 мм. Данные и фото с сайта: <<https://finds.org.uk/database/artefacts/record/id/721607>> (10.08.2016).

Для названных периода и региона монеты являются едва ли не самым массовым и надежным источником¹. Особенно многочисленными стали находки англо-саксонских монет в последние десятилетия, с 1970-х годов, когда стали широко использоваться металлоискатели (как профессиональными археологами, так и любителями: в Англии данное хобби легально и существуют электронные ресурсы, нацеленные на учет найденных любителями артефактов²). Всего на момент написания книги было каталогизиро-

¹ Основная событийная канва известна нам из анналов (Англо-Саксонской хроники и «Северных анналов»); из документальных источников наиболее многочисленны жалованные грамоты.

² Например: The Portable Antiquities Scheme // <<https://finds.org.uk/>>. Какая-то часть находок, к сожалению, все равно уходит от учета, причем ситуация различается от региона к региону. Например, в графстве Норфолк взаимодействие между любителями, археологами и музейщиками налажено хорошо, и потому здесь особенно много хорошо учтенных любительских находок (р. 201–202).

вано около 4 000 экземпляров южноанглийских монет 757–865 гг. (р. 2), найденных как в составе кладов, так и по отдельности.

Книга Найсмита содержит восемь глав (не считая введения и заключения), причем каждая посвящена какому-то одному аспекту этой проблематики: от внешнего вида монет до вопросов экономической и политической истории. Труд Найсмита – это именно обобщающая историческая работа. В ней нет представления первичного нумизматического материала – автор опирается на многочисленные нумизматические работы (включая собственные)³, в этой книге зачастую приводя лишь обобщенные данные и вдаваясь в нумизматические детали лишь там, где это совершенно необходимо.

Важной особенностью книги является последовательный компаративный подход. Автор старается сопоставлять южноанглийский материал с аналогичным материалом с Континента (в первую очередь франкским), а также из Нортумбрии. Монетное обращение было той сферой, где процессы, протекавшие в соседних странах, были взаимосвязаны. Так, в 740–770-х годах целый ряд западноевропейских государств – Нортумбрия, Восточная Англия, Франкское королевство, Мерсия, Кент (именно в такой последовательности) – перешли к новому типу серебряных монет, более стандартизированных по весу и размеру и с обязательным указанием имени короля (р. 6–7, 96–100). Понять эти события, анализируя какое-либо из названных королевств изолированно, невозможно. В этом и других случаях Найсмит старается максимально учитывать процессы, происходившие в одно и то же время в разных странах, иногда даже довольно отдаленных от Британии (см. особенно р. 244–250, 294–295).

Во второй главе (первой является введение) автор рассматривает «политический контекст» монетного дела. Речь идет о характере королевской власти у англо-саксов в VIII–IX вв.; о том, каковы были доходы короля и его возможности по контролю и эксплуатации ресурсов; о городских центрах, торговле и отношении королевской власти к ним. Глава носит характер обобщения, основанного на обширной исторической и археологической лите-

³ И в первую очередь на два каталога монет изучаемого времени, второй из которых составлен Найсмитом: *Chick D. The Coinage of Offa and His Contemporaries*. L., 2010; *Naismith R. The Coinage of Southern England, 796–865*. L., 2011. Vol. 1–2.

ратуре, а также на сравнительных данных по Франкии и другим странам. Промежуточный вывод, который делает автор, состоит в том, что основной доход короля в это время поступал с земли, тогда как место городских центров (сосредоточенных главным образом в восточных и южных приморских областях, т.е. для крупнейшего королевства, Мерсии, на периферии) в экономике королевств было сравнительно скромным (р. 36).

В период, рассматриваемый в книге, королевская власть, очевидно, получала доход от монетного дела – хотя и не вполне ясно, в какой форме. Однако ясно и то, что этот доход не мог быть единственным и даже главным стимулом для королей устанавливать контроль над монетным производством. Важнее было значение монет как демонстрации власти короля над территорией: на монетах, которые должны были обращаться на этой территории, отныне помещалось королевское имя (р. 44–46).

Третья глава посвящена иконографии монет и надписям на них. Монеты, несомненно, были в VIII–IX вв. самыми массовыми предметами из тех, что упоминали короля и демонстрировали его могущество, – другое дело, что прочитать надпись и в полной мере понять символику изображений, вероятно, могли лишь представители элиты (р. 48–49). Автор анализирует «портреты» королей (идеализированные изображения на монетах, восходящие к римским образцам⁴), религиозную символику (кресты и пр.), наконец, надписи на монетах (имя и титул короля, реже другого патрона; имя монетного мастера; иногда название города, где отчеканена монета). Разнообразие легенд, орфографические различия (и даже ошибки) говорят о том, что надписи создавал непосредственно резчик штемпеля, руководствуясь лишь устными распоряжениями (р. 76–78).

В целом, даже после середины VIII в. и даже на территории, контролировавшейся одним королем, иконография и надписи (включая даже королевский титул) отнюдь не всегда и не во всем были единообразны. По-разному могли выглядеть монеты, чеканившиеся в разных городах и разными мастерами. В какие-то моменты степень стандартизации увеличивалась. Иногда какая-то деталь появлялась на всех монетах, в то время как в другом

⁴ Первыми монетами с «портретом» короля были монеты Оффы 770-х годов. Имеется единственная в своем роде серия из примерно 40 монет с изображением жены Оффы, королевы Кюнетриут (р. 62–64), а также монеты с «портретами» двух архиепископов IX в.

они различались. Всё это показывает, что контроль за внешним видом монет со стороны королевской власти имел место, но он еще не был ни жестким, ни постоянным, нося характер временных вмешательств и распоряжений (р. 52, 62, 82–86).

В четвертой главе Найсмит более детально обращается к вопросу о роли королевской власти в монетном деле. Автор начинает с экскурса в предшествующий период монетного чекана в Англии (VII – первая половина VIII в.). Значительная часть ранних англо-саксонских монет вообще не имеет надписей, поэтому трудно говорить о том, имели ли к их чекану отношение короли. На монетах этого времени присутствуют имена только двух королей (Кента и Восточной Англии); в остальных случаях гипотеза о королевском (равно как и церковном) патронате остается довольно шаткой. Многообразие монет (по весу и внешнему виду), скорее, говорит о множественности патронов и отсутствии до середины VIII в. королевского контроля над монетным чеканом и обращением (р. 96).

В 740–770-х годах, как уже говорилось, целый ряд королей, как в Британии, так и на Континенте, сумели (до некоторой степени) установить такой контроль и унифицировать монетный чекан. В последние три или четыре года правления Оффы (757–796) степень унификации на время усилилась: был введен новый весовой стандарт («тяжелый чекан»), единый вид аверса и единая форма титулования короля (р. 100–101). Вскоре после смерти Оффы, однако, чекан вновь стал более разнообразным, а монеты, выпущенные от имени мерсийского короля Кёнвульфа (796–821), в одних отношениях демонстрируют единообразие (за которым явно стоит королевский контроль), а в других – разнотой (р. 104). В целом, для периода мерсийской гегемонии, скорее, характерно разнообразие дизайна монет при сравнительно жестких требованиях к их весу, пробе и исключению из обращения иностранных монет (р. 106). После 825 г., когда королю Уэссекса Эгберту удалось покончить с гегемонией Мерсии, можно проследить некоторое усиление королевского контроля над монетным производством, впрочем, тоже проявлявшееся неровно и не всегда (р. 106–112).

В качестве специфического случая Найсмит рассматривает, во-первых, два опыта чеканки золотых монет (динар Оффы, отчеканенный по образцу арабских монет, и манкус Кёнвульфа, отчасти схожий с серебряными пенни). Эти монеты, вероятно,

в наибольшей степени были заточены на репрезентацию королевской власти. По гипотезе Найсмита, надпись «*de vico Lvndoniae*» на второй из них говорит о ее чекане непосредственно в королевском имении, а не (частным) монетным мастером, как пенни (р. 115–116). Во-вторых, автор рассматривает монеты некоторых не самых могущественных королей, известные в очень небольшом числе экземпляров, а также монеты с именами архиепископов и епископов, членов королевской семьи (жены или брата короля), правителей, занимавших подчиненное положение. Во всех этих случаях монеты выпускались в рамках традиции, заложенной более могущественными королями, и большинство патронов довольствовались помещением на монету своего имени, не требуя других изменений во внешнем виде, весе или пробе. Всё это показывает, что центральную роль в чеканке монеты, в сохранении преемственности монетного дела играли не столько короли-патроны, сколько непосредственно те, кто профессионально этим делом занимался (р. 126, ср. р. 294).

Пятая глава посвящена тем людям и учреждениям, которые имели непосредственное отношение к чеканке монет. Автор начинает с разговора о городах – центрах монетного производства. Предположительно в изучаемый период их было пять: Кентерберри, Лондон, Ипсуич, Рочестер, Саутгемптон (или Винчестер?)⁵. В первых трех монеты чеканились на всем протяжении этих столетий; в Рочестере – примерно с 797/8 г.; в Саутгемптоне (?) – примерно с 810 г. Легко заметить, что все пять городов находятся в южных и восточных прибрежных областях Англии, далеко от политического ядра королевства-гегемона (до 825 г.) – Мерсии. Такая география монетного чекана очевидным образом связана с торговыми путями и, в частности, путями ввоза серебра. До середины VIII в. монеты, вероятно, чеканились в большем числе

⁵ Автор условно обозначает эти города термином *mint* («монетный двор»). На монетах обычно помещались имена короля-патрона и монетного мастера (к мастерской последнего, вероятно, было бы корректнее применять термин «монетный двор»). Однако по ряду признаков (сходство дизайнов, использование схожих штемпелей и т.п.) выделяются пять групп таких мастерских, которые, как считают исследователи, соотносятся с пятью городами, где чеканились монеты. Именно эти группы/города Найсмит условно называет «монетными дворами». Кентерберри, Лондон и Рочестер прямо названы на некоторых из монет. О чекане в Ипсуиче и Саутгемптоне/Винчестере ученые судят на основании анализа мест находок, а также общен исторических соображений (р. 7, 128, 132).

центров, и сокращение их до трех (Лондон, Кентербери, Ипсуич – соответственно, в королевствах Мерсия, Кент и Восточная Англия), возможно, было одним из проявлений усиления королевского контроля над монетным делом (р. 131). Появление чекана в Саутгемптоне (?) связано с усилением королевства Уэссекс в начале IX в. Труднее сказать, почему центром монетного дела стал Рочестер (Кент), но и здесь может быть выдвинут ряд предположений (р. 129–130).

Следующим объектом для анализа является монетный мастер (*moneyer*) – «человек, который руководил процессом чекана и об-

Карта № 1. Центры монетного чекана в Южной Англии в 757–865 гг.

мена, а также брал на себя ответственность за конечный продукт, помещая свое имя на монете» (р. 132)⁶. Всего для изучаемого периода известно около 210 имен монетных мастеров (р. 146), причем, скорее всего, это почти полный список: новые находки дают только прежние имена (р. 134). Более того, можно примерно установить, сколько монетных мастеров одновременно действовали в каждом городе, – и эта цифра остается достаточно стабильной (например, до семи мастеров в Лондоне), что, возможно, тоже было результатом ограничений со стороны королевской власти (р. 134–138).

Хотя нам ничего не известно о статусе мастеров, процедуре получения ими разрешения на такую деятельность и т.п. (Найсмит приводит некоторые данные из источников более позднего времени, р. 132–133, 148), кое-какие выводы могут быть сделаны на основании самих монет. Так, мастер мог продолжать работать на протяжении десятков лет, невзирая на смены королей и даже завоевания (р. 147). Масштабы чекана различались для разных мастеров, и, вероятно, некоторые из них пользовались особым покровительством королей. Например, Эоба из Кентербери, работавший с 770-х по 800-е годы, использовал в среднем 10 пар штемпелей в год (средний показатель для мастеров – 5) и на пике активности чеканил до 40% всех кентерберийских монет. Эоба был единственным из мастеров, кто выпускал монеты с именем не только короля, но и королевы Кюнетриут (р. 150–151). В 820-х годах, в смутное время, в Кентербери выпускались монеты с именем одного только мастера (но не короля и не архиепископа); по мнению Найсмита, это свидетельствует о существовании в городе организации монетных мастеров, способной взять на себя ответственность за такое решение (р. 153–154).

Следующая фигура – резчик штемпелей (*die-cutter*). Анализ монет показывает, что это – не то же самое, что монетный мастер. Один и тот же мастер мог пользоваться услугами разных резчиков и, наоборот, один резчик мог поставлять штемпели разным мастерам (как правило, но не всегда, в пределах одного города). Иногда можно проследить, что, хотя в городе работал

⁶ Традиция обозначать имя мастера восходит к меровингским монетам. Однако там редко помещалось имя короля. Сочетание обоих имен – уникальная черта англо-саксонского монетного дела, не находящая себе прямых параллелей в других странах в это время (р. 143–145).

один резчик штемпелей, он вырезал их специально по-разному для разных мастеров (р. 138–142).

В шестой главе речь идет о стандартах веса и пробы. Найсмит начинает разговор с вопроса об источниках серебра, затем переходя к проблеме пробы. Здесь автор опирается на результаты естественнонаучного анализа монет (который, однако, проведен пока лишь для небольшой части находок, что делает все выводы предварительными, р. 158). Проба катастрофически упала в первой половине VIII в., что, очевидно, и послужило одной из причин реформирования монетного производства в середине этого столетия. Примерно с 765 по 840 г. содержание серебра в южноанглийских монетах держалось на уровне 94–96%, никогда не опускаясь ниже 86%. Резкое снижение пробы наблюдается в 840–860-е годы (в некоторых случаях до 60% и даже 30%), причем этот показатель сильно различается для разных городов, а значит, процесс вряд ли контролировался королями. В кладах этого времени вместе лежат монеты разной пробы, т.е., видимо, проба не влияла на покупательную способность (р. 165–166). Снижение пробы в середине IX в. было вызвано, скорее всего, комплексом причин, включая снижение таковой в выпустивших в качестве сырья франкских монетах (р. 168).

Что касается веса, то здесь статистика очень определенно показывает взаимосвязь англо-саксонских и франкских стандартов. «Легкие пенни» Оффы соответствуют стандарту ранних каролингских монет (предположительно 1,3 г.). В 790-х годах и Оффа (вероятно, чуть раньше), и Карл Великий «утяжелили» монету (возможно, ради увеличения налоговых поступлений, но вряд ли только для этого), хотя, видимо, стандарт был разным (р. 174–178). В первой половине IX в. англо-саксонские монетные мастера в целом придерживались «тяжелого» стандарта Оффы 790-х годов, хотя в 840–850-е годы монета в ряде случаев стала «легчать». В целом, Найсмит констатирует стремление англо-саксонских монетных мастеров во все периоды к единому весовому стандарту, отклонения от которого были сравнительно небольшими (р. 170).

В седьмой главе, «Производство монет», Найсмит применяет к корпусу англо-саксонских монет изучаемого времени статистический метод, основанный на подсчете числа штемпелей и оценке соотношения количества штемпелей и известных образцов монет. Обсудив детали и трудности такого рода подсчетов,

автор приводит их результаты в виде нескольких диаграмм, на основании которых делает вывод о различной динамике монетного производства в разных городах. Так, в Кентербери чекан был относительно стабильным; в Ипсуиче поначалу чеканилось сравнительно мало монет, но в IX в. наблюдаются два периода расцвета; в Лондоне, наоборот, во второй половине VIII в. наблюдается расцвет монетного чекана, с рубежа веков начинается упадок, а в середине IX в. производство вновь увеличивается (р. 191–192). В случае с Лондоном упадок монетного чекана на рубеже VIII–IX вв. хорошо соотносится с другими данными о временном упадке этого города (р. 196–197). В то же время этот упадок оказывается довольно неожиданным с исторической точки зрения: в период гегемонии Мерсии *мерсийский* город Лондон уступил первенство в монетном производстве таким периферийным по отношению к Мерсии городам, как Кентербери и Ипсуич. Это показывает, что монетное дело не было приоритетом для королей Мерсии и было наиболее интенсивным там, где проходили оживленные торговые пути (р. 197–198). Аналогичные подсчеты Найсмит проводит и применительно к отдельным монетным мастерам (точнее к тем 13-ти из них, для кого обнаружено достаточное для анализа количество монет), и здесь тоже обнаруживается разнообразие.

Восьмая, самая объемистая глава книги посвящена монетному обращению. В этой главе автор опирается только на материал отдельных находок монет (не в составе кладов). Из примерно 4 000 учтенных образцов англо-саксонских монет изучаемого времени чуть более 1 000 составляют отдельные находки, для которых зафиксировано место обнаружения (еще около 300 – отдельные находки иностранных, включая нортумбрийские, монет, р. 200, 209). Такие находки скорее, чем клады, отражают, по мнению Найсмита, реальные пути хождения монеты.

Прежде всего, анализ распределения находок показывает, что пенни, чеканившиеся во всех пяти городах, имели свободное хождение по всей Южной Англии, невзирая на менявшиеся политические границы (р. 204, 209, 218). Что касается иностранных монет (включая нортумбрийские), то примерно до 785 г. они ходили в Южной Англии достаточно свободно, а после этого – почти исчезли из обращения, став несколько более многочисленными к середине IX в. Здесь мы явно видим целенаправленное ограничение хождения иностранной монеты, которое

показывает серьезные возможности королевской власти в деле регулирования денежного обращения (р. 204–208)⁷. Кентерберри, Лондон и другие центры монетного производства, по-видимому, и были теми пунктами, через которые в страну попадало иностранное серебро и где оно подвергалось обязательной перече- канке (р. 209).

Далее, анализ показывает большую концентрацию находок в восточных и южных приморских областях, и меньшую – «в глубине» королевств Мерсия и Уэссекс (р. 210). Но наиболее интересно даже не это (из предыдущего уже понятно, что приморские области были наиболее развиты в торгово-экономическом отношении). Предпринятый Найсмитом анализ дал возможность проследить распространение монет, чеканившихся в разных городах, а значит – торговые связи. Монеты, чеканившиеся в Кентерберри, Лондоне и Рочестере, более или менее равномерно распределены по всем регионам Южной Англии (р. 213–216). Напротив, монеты, чеканившиеся в Ипсуиче (Восточная Англия), хотя и встречаются в небольшом количестве повсюду, в основном концентрируются в пределах Восточной Англии. И наоборот, среди находок монет в Восточной Англии значительно преобладает чекан Ипсуича (р. 211–213). Вероятно, такая частичная обособленность Восточной Англии была обусловлена не политическими границами, но высоким уровнем экономического развития этого региона⁸, благодаря которому значительная часть местной монеты здесь же находила себе применение (р. 230–231). Пенни, чеканенные в Саутгемптоне/Винчестере (впрочем, не очень многочисленные), тоже найдены в основном на территории «своего» королевства, Уэссекса, а также в Кенте (но при этом среди находок в Уэссексе эти монеты не составляют большинства, преобладают монеты из Кентерберри, р. 216–218). Интересно также, что, хотя Лондон и был единственным центром чекана монет в пределах собственно Мерсии, лондонские монеты отнюдь не были самыми распространенными во внутренних областях этого королевства, где найдено больше монет из Кентерберри и Ипсуича (р. 216).

⁷ Ср. две денежные реформы Оффы (введение вначале «легких», а затем «тяжелых» пенни), когда в обоих случаях прежние монеты были выведены из обращения: у короля оказалось достаточно власти осуществить такие реформы (р. 182).

⁸ Восточная Англия по числу находок оказалась самой «монетизированной» областью (р. 211).

В отдельных случаях можно проследить, что находки монет, выпущенных определенным мастером, концентрируются в каком-то одном регионе. Так, пять (29%) монет, отчеканенных мастером Эаднодом (Ипсуич), обнаружены в отдаленном регионе – Западной Мерсии, что может говорить о какой-то связи монетного мастера с купцами, ведшими там торговлю (р. 220). Как правило, однако, географическое распределение монет, выпущенных мастером, не отличается от такового для его города.

Затем Найсмит анализирует распределение находок по времени выпуска монет и (с поправкой на вероятное время нахождения монеты в обращении) по времени их попадания в землю. Результатом этих подсчетов оказываются две диаграммы, указывающие на расцвет монетного обращения в период с 780-х по 820-е годы и последующий упадок начиная с 830-х годов (р. 224–229, 231–232). При этом речь идет об упадке обращения, но не производства монет – упадке, которому пока не находится какого-то одного объяснения. Возможно, действовал комплекс причин, таких как войны, упадок некоторых городских центров и переориентация торговых путей (р. 229, 232–239).

Еще один интересный подход, применяемый Найсмитом в той же главе, – сравнение данных о монетном обращении с данными о движении других категорий артефактов, а именно керамики и металлических изделий. Разумеется, совпадения в путях движения столь разных вещей быть не может, однако сопоставление может быть поучительным. Приведу один пример: если в случае с монетами внутренние регионы Мерсии (ее политическое ядро) выступают далекой периферией, со сравнительно небольшим числом находок, то в случае с другими изделиями из металлов (особенно драгоценных), наоборот, – оказываются центральными (р. 243). Это еще раз подчеркивает, что влияние королей на монетное дело ограничивалось сферой разрешений и распоряжений (кто и где мог чеканить монету; какие монеты могли обращаться, а какие нет; каковы должны были быть стандарты веса, пробы и внешнего вида). Обращение же монет как таковое было мало связано с деятельностью королей: как раз там, где мерсийский король был наиболее активен, монетное обращение было наиболее слабым (р. 251, ср. р. 293–294).

Последняя, девятая глава касается экономической сути монетного обращения: кем и для чего в Англии середины VIII – середины IX в. использовались серебряные пенни? Автор констатирует,

что корпус известных к настоящему времени англо-саксонских монет и реконструируемые объемы монетного чекана настолько велики, что, «что бы люди [VIII–IX вв.] ни делали с монетами, они делали это весьма масштабно» (р. 256). Этот простой тезис позволяет автору, отталкиваясь от дискуссий 1950–1960-х годов (о роли торговли или, наоборот, обмена дарами в раннее Средневековье; об упадке международной торговли после арабских завоеваний), перейти к разговору о конкретных функциях серебряных денег в Англо-Саксонской Англии.

Найсмита анализирует упоминания размеров штрафов в англо-саксонских законах (р. 267) и платежей в актовых документах (р. 267–273). Впрочем, эти упоминания порождают больше вопросов, чем ответов, и, в частности, в источниках обоих типов, как правило, не ясно, идет ли речь о монетах, других предметах из драгоценных металлов, считавшихся на вес, или об иных ценностях на соответствующую сумму. В актах удивляет частота упоминания золота – при том, что англо-саксонских золотых монет известно очень мало (р. 272–273). В некоторых случаях платежи и последующее пожалование земли подаются как обмен дарами – что снова отсылает к дискуссии о роли обмена дарами в архаической экономике (р. 260–266, 271–272). В целом, из анализа актового материала складывается впечатление, что отнюдь не поземельные сделки и другие сверхкрупные платежи или дары были основной сферой применения серебряных пенни (р. 273).

Что касается торговли, то, наряду с крупными приморскими центрами (такими как Лондон), существовали, по-видимому, локальные центры торговли и обмена. Именно так, по мнению Найсмита, следует интерпретировать те многочисленные археологические памятники, где были сделаны множественные находки монет (*productive sites*). Это могли быть центры больших землевладений (светских или церковных), но в большинстве случаев уверенно говорить о характере этих памятников пока трудно (р. 279–280). В континентальных и англо-саксонских письменных источниках (житиях святых и др.) имеется целый ряд свидетельств о существовании локальных рынков и мелких платежей с использованием монеты, равно как и о подаче милостыни монетами (р. 281–284). Таким образом, в той или иной степени с серебряными пенни имели дело едва ли не все слои населения (р. 284).

Впрочем, здесь возникает проблема мелких расчетов (серебряный пенни все-таки был довольно значительной единицей). Найсмита

указывает на то, что в качестве мелкой платежной единицы могли использоваться римские бронзовые монеты (иногда попадающиеся в англо-саксонских слоях), нортумбрийские монеты с низким содержанием серебра (их много найдено в Линдси и Восточной Англии), а также какие-либо товары. Однако всё это, скорее, догадки: в целом, проблема остается пока неразрешимой (р. 284–290).

Найсмит далек от того, чтобы считать англо-саксонскую экономику полностью «монетизированной». Тот факт, что в выпуске и обращении монет наблюдались сильные спады и подъемы, означает, по мнению автора, что деньги были удобным и важным инструментом, но экономика могла без них и обходиться (р. 291). В целом, пенни использовались одновременно в разных сферах: в торговле, при обмене дарами, при платежах землевладельцу или в казну, в качестве средства накопления, как милостыня и др., однако на первое место Найсмит ставит все-таки торговлю (р. 276, 292).

Таким образом, хотя далеко не на все важные вопросы пока удастся найти ответы, книга Р. Найсмита представляет собой интереснейший опыт анализа и исторической интерпретации того огромного материала, каким являются англо-саксонские монеты середины VIII – середины IX в. В условиях нехватки письменных источников это исследование имеет большое значение не только для истории монет и экономики, но и в целом для истории Англо-Саксонской Англии, проливая свет на политическую географию Англии, на возможности королевской власти, роль городов, и т.п. С другой стороны, работа Найсмита очень важна для истории монетного дела в средневековой Европе в целом – как благодаря многочисленным компаративным экскурсам, так и просто потому, что англо-саксонский монетный материал исключительно богат и хорошо изучен.

T.V. Guimon

NAISMITH R. MONEY AND POWER IN ANGLO-SAXON ENGLAND: THE SOUTHERN ENGLISH KINGDOMS, 757–865. CAMBRIDGE: CAMBRIDGE UNIVERSITY PRESS, 2012. 351 P.

This is a review of Rory Naismith's stimulating book on money in Southern Anglo-Saxon kingdoms from the mid-eighth to the mid-ninth century. The book treats such problems as the production of silver pennies (towns of production,

carriers of moneyers and die-cutters, design of coins, standards of weight and fineness, the dynamics of production); the role of royal power in this process (the restrictions and management of coin-production and circulation, the possible interrelations between kings and moneyers, the representation of kings in coins); the circulation of coinage; the role of coinage in early medieval economy.